

УДК 94(571.150)

ББК 63.3(2Рос-4Алт)53

Включение степной зоны Алтайского горного округа в хозяйственную деятельность до эпохи массовых переселений начала XX в.*

К.А. Пожарская¹, П.А. Афанасьев²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный педагогический университет (Барнаул, Россия)

Inclusion of the Altai Mining District Steppe Zone in Economic Activity before the Mass Migrations Era of the Early 20th Century

K.A. Pozharskaya¹, P.A. Afanasiev²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена характеристике процесса вовлечения степных территорий Алтайского горного округа в орбиту их хозяйственного использования до начала массовых переселений в регион в начале XX в. Авторы показывают, что вплоть до конца XIX в. степные районы, располагавшиеся в западной части округа, находились вне рамок хозяйственного интереса как административных структур, так и населения региона. С одной стороны, причина этого заключалась в низком качестве степных земель, не позволявшем рассматривать их как возможный объект земледельческого освоения в условиях слабой заселенности всего юга Западной Сибири. С другой стороны, невнимание к степной части Алтайского горного округа объяснялось монопрофильной ориентацией хозяйства Кабинета в регионе на горнозаводскую промышленность. Интуитивная рациональность вызывала интерес к степным землям округа только со стороны казахов-кочевников, несмотря на ограничения кабинетской администрации по отношению к ним. Постепенные изменения в земельно-переселенческой политике Кабинета на Алтае в последней трети XIX в. актуализировали научный интерес к степным территориям округа. Показано, что ученые, исследовавшие эти земли, негативно оценивали их природно-хозяйственные возможности. Авторы приходят к выводу, что земледельческая профилизация степной зоны Алтайского округа в начале XX в. противоречила всему предшествовавшему научно-хозяйственному освоению степных территорий региона.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Кулундинская степь, переселения, хозяйственное освоение, природные условия.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-11

This article is devoted to the description of the steppe territories involving process in the sphere of economic use before the beginning of mass migrations in the region at the beginning of the 20th century. The authors show that until the end of the 19th century steppe regions which were located in the western part of the district, were outside the economic interests of both administrative structures and the population of the region. On the one hand, the reason for this was the low quality of steppe lands, which did not allow them to be considered as a possible object of agricultural development in underpopulated conditions of the whole south of Western Siberia. On the other hand, inattention to the steppe part of the Altai mining district was explained by the mono-profile economic orientation of the Cabinet of its Imperial Majesty in the region towards the mining industry. Intuitive rationality aroused interest in the steppe lands of the district only from the side of the nomadic Kazakhs, despite the limitations of the cabinet administration towards them. Gradual changes in the land-migration policy of the Cabinet in Altai in the last third of the 19th century actualized scientific interest in the steppe territories of the district. The article shows that research of scientists negatively assessed the natural and economic opportunities of steppe lands. As a result, the authors come to the conclusion that the agricultural specialization of the steppe zone of the Altai District at the beginning of the 20th century contradicted the entire preceding scientific and economic development of the region's steppe territories.

Keywords: Altai mountainous district, Kulunda steppe, migrations, economic development, natural conditions.

---

* Публикация подготовлена при совместной финансовой поддержке РФФИ и Правительства Алтайского края в рамках реализации проекта № 17-11-22006/ОГН, а также при финансовой поддержке РФФИ в рамках реализации научного проекта № 18-09-00439.

Алтайский горный округ как самостоятельная хозяйственная территория окончательно сложился к 30-м гг. XIX в. С географической точки зрения он включал различные природные объекты: часть Алтайских гор и их предгорья, Салаирский кряж, Приобское плато и прилегающие к нему равнинные ландшафты. Специализация региона на горно-металлургическом производстве обуславливала отсутствие сколько-нибудь значительного внимания к степным районам округа со стороны как административных структур различного уровня и ведомственной принадлежности, так и общест­венности, в том числе научной. Длительное время степи не рассматривались как ценная и богатая ресурсами часть округа, которая могла бы использоваться для организации планомерного и рационального хозяйства. Вместе с тем степные районы горнозаводского округа охватывали практически всю его западную часть и представляли собой внушительный по площади земельный массив, «ожидавший» включения в хозяйственную жизнь. Показательным примером данных тезисов выступает факт того, что с XVIII в. на «свободные» пространства Бельгачской, Ремовской, Узкой, Соляной, Локтевской, Коростелевской и Кулундинской степей активное и волнообразное наступление осуществлял пришлый элемент — кочевники Семипалатинской области, которых не смогла, несмотря на многочисленные и одновременные попытки, остановить администрация [1, л. 173–174].

Относительно позднее включение степной зоны Алтайского горного округа в его хозяйственный оборот, начатое в ходе ее переселенческого освоения в последней трети XIX в., привело к тому, что «допереселенческий» период в развитии степного района кабинетских владений на Алтае «выпадает» из поля зрения исследователей. Это вполне объяснимо, поскольку степная часть округа никак не участвовала в горнозаводском производстве. Регион интересовал историков только с точки зрения кабинетского землевладения (например, Г.П. Жидков) и проникновения в степи кочевого казахского населения (О.В. Боронин, И.В. Анисимова). Поэтому в настоящей статье предпринимается попытка дать характеристику процессу включения степной части Алтайского горного округа в его хозяйственную сферу вплоть до начала массового переселенческого движения в начале XX в.

Можно полагать, что в последней трети XVIII — первой трети XIX в. степные пространства, примыкавшие и постепенно включенные в границы ведомства Кольвано-Воскресенских заводов, являлись своеобразным «белым пятном». Поездки известных ученых в Западную Сибирь не охватывали изучение степи. Маршруты научных посещений пролегли

по кромке степной зоны, не пересекая ее. Как правило, из Омска ученые ехали вдоль Иртыша и расположенных недалеко от него селений и крепостей, затем из Семипалатинска через горнозаводские пункты и промышленные объекты путешественники проезжали междуречьем Алея и Чарыша в Барнаул, из которого через бассейн Оби направлялись в Томск. Другой маршрут, использовавшийся для передвижения по Сибири, пролегал по Московско-Сибирскому тракту, проходя через северную границу степной зоны. Поэтому степи юга Западной Сибири оказались в своеобразном окружении освоенных маршрутов и территорий, оставаясь при этом практически неизвестными и неизученными.

Неудивительно, что в подробных описаниях ученных поездок по югу Западной Сибири ее степная зона не была описана. Практически никак не характеризует увиденные степные части П.С. Паллас, продвигавшийся в 1771 г. от Омска на юг вдоль Иртыша, а затем по бассейну Алея. И.П. Фальк, проезжавший в это же время через Барабинскую степь, посвятил ее описанию одну из глав своего труда. Отмечая разнообразие ее обширной территории, ученый указал на соленость почвы и множество соленых озер в южной части Барабы, граничащей с Кулундинской степью [2, с. 417]. Характеризуя немногие имевшиеся поселения, в качестве одной из особенностей степи ученый отмечал: «Бараба, судя по ее большой окружности, населена и возделана очень мало» [2, с. 423].

Примерно через полстолетия степной юг Западной Сибири вновь попал в путевые описания. В 1819 г. по Сибирскому тракту проехал М.М. Сперанский. Свою поездку в качестве генерал-губернатора он описывал в дневнике. По сравнению с другими увиденными землями Барабинская степь (точнее, посещенная проездом ее часть) поразила сановника плохими природно-хозяйственными условиями: «На Барабе грунт едва выносит пять посевов сряду. Невозможность великого населения. Земли вольные (т.е. свободные. — *К.П., П.А.*) и долго еще должны быть таковыми. Пашут на возвышениях, или гривах; все прочее покрыто травой, болотами, солончаками и березовым, большею частью дровяным лесом» [3, с. 28]. Южная часть степной зоны, примыкавшая к бассейну Алея, была частично затронута в ходе ботанической поездки К.Ф. Ледебура в 1826 г. Он отмечал, что «обширная степь» охватывает юг и запад горнозаводского региона. Характеризуя природные условия, ученый отметил лишь следующее: «Почва ее частью песчаная, частью глинистая и более или менее солончаковая или горько-солончаковая. Здесь протекает Иртыш... Главной рекой той части степи, что простирается к северу от Иртыша, следует считать Алей. В северо-западной части находится множество озер, большинство которых богато поваренной и горькой солями;

возможно, среди них нет ни одного совершенно пресного» [4, с. 137]. Увиденные в других местах горного округа степные участки (например, по дороге между Локтевским и Змеиногорским заводами) характеризовались похожими качествами [4, с. 135, 136].

Приведенные описания показывают, что степная зона юга Западной Сибири в рассмотренный период не привлекала внимания как природный объект ни для научного изучения, ни для хозяйственного освоения. Очевидно, что низкие качества степных земель не позволяли рассматривать их как возможный объект земледельческого освоения в условиях слабой заселенности всего региона.

Хозяйственный интерес к степной зоне округа Кольвано-Воскресенских заводов в конце XVIII в. проявило казахское население, прибывавшее в разное время из смежных территорий будущей Семипалатинской области в поисках свободных земель для своих кочевий. Официальное разрешение переселяться в степи «по сю сторону реки Иртыша и кочевать между крепостями Семипалатной и Омской» было предоставлено 23 июля 1798 г. всем султанам и старшинам с их кибитками, которые «в Российское подданство вступить желают» [5, с. 310–311]. Пришедшие тогда казахские роды «поселились на Карасукской степи и... на Кулундинской, находившиеся тогда совершенно пустынными и безлюдными» [6, л. 110об.]. У русского населения степная часть Алтайского горного округа вплоть до последних десятилетий XIX в. не пользовалась популярностью. Поэтому «иностранцы» практически свободно и беспрепятственно перемещались по степному району, «спокойно кочуют на той же земле» [6, л. 111], натапливаясь лишь на заимки и звероловные избушки русских. Некоторые потомки переселившихся в конце XVIII в. казахов строили деревянные дома и селились «вблизи один от другого так, что образовали почти целое селение, занимаясь тут хлебопашеством, сенокосением и главнейшее скотоводством» [6, л. 111об.].

Тем не менее сохранились свидетельства практически полного отсутствия постоянных населенных пунктов в степной части Алтайского горного округа. Так, по данным одного из руководителей переселенческого дела в Алтайском округе в начале XX в. М.В. Шкунова на картах 1848 г. в Карасукской и Кулундинской степях заселенные места вообще не были отмечены, за исключением течения реки Карасук, по которому были основаны лишь несколько небольших деревень [7, с. 95]. В 1868 г. ученый и путешественник А.Ф. Миддендорф встретил «единичное селение, уединенно лежавшее... при реке Карасук» [8, с. 18]. В начале 1870-х гг. в переписке Министерства императорского двора с Министерством внутренних дел о праве прожи-

вания казахов в Кулундинской степи указывалось лишь на четыре деревни со 107 ревизскими душами, расположенные на юго-западе степи вблизи границы с Семипалатинской областью (Ключевская, Северная, Неводная и Николаевская) [6, л. 131об.]. В описаниях Бельгагачской степи Г.Е. Катанаева и М.И. Струкова, относящихся к 90-м гг. XIX в., прямо указывалось, что дефицит воды делает ее неудобной для постоянной жизни человека, потому здесь не распространены оседлые поселения, отсутствуют деревни и встречаются исключительно сезонные постройки земледельцев — заимки [9, с. 12].

В свою очередь действия администрации округа, поощряемые Кабинетом, были направлены на выселение казахов со степной территории, граничившей с хозяйственными объектами. Но они не отличались настойчивостью и последовательностью. Видимо, это было результатом отсутствия понимания хозяйственного назначения степных земель в рамках горнозаводской монопрофильности. Примером может быть ситуация, сложившаяся в 1809 г., когда решение Кабинета о выдворении казахов, кочующих вблизи Локтевского завода (юго-западные степи округа) и представляющих угрозу для заводского и крестьянского хозяйства, не было приведено в исполнение по причине отсутствия свободных земель в Семипалатинской области и риска стеснения местного населения «алтайским» [1, л. 174]. Лишь в результате десятилетней переписки двум администрациям удалось договориться, и небольшая часть казахов была выдворена на родину [1, л. 174].

В понимании горнозаводской администрации степная зона, отводимая казахам-кочевникам, ограничивалась местностями, «где инородцы не могли бы вредить ни заводскому хозяйству и оседлым крестьянам» [6, л. 111]. Но к 1870-м гг. таких районов в степной зоне без какого-либо хозяйства оставалось не так много. Крестьяне селились вблизи казахских кочевков в степи, на расстоянии 18–30 верст от них. Это приводило к конфликтам из-за сенокосов между крестьянами и казахами, для разрешения которых Алтайское горное правление с 1859 по 1864 г. ежегодно летом отправляло особого чиновника [6, л. 112–112об.]. Прошения казахов с просьбой «остаться на прежнем месте жительства в Кулундинской степи» заставили горнозаводскую администрацию ограничивать территории для их кочевого проживания. В 1873 г. по решению министра императорского двора для кочевий казахов был отведен участок Кулундинской степи размером около 1 млн дес. Его грань начиналась в месте соприкосновения границ Семипалатинской области, Томской губернии и Алтайского округа, доходила до южной оконечности Кучукского озера, поворачивая далее на юго-запад до границы округа с Семипалатинской областью. Образующий треуголь-

ник степи, по мнению руководства Кабинета, «может вместить все нынешнее кочевое племя Алтайского округа» [6, л. 131–131об.].

За этим решением трудно увидеть отстаивание собственных интересов горнозаводским ведомством. Отведенный для кочевий участок степи характеризовался полным отсутствием какого-либо хозяйства и оседлого населения, а его земли признавались годными лишь для пастбищ. Отвод кочевникам части Кулундинской степи сопровождался распространением на них 6-рублевой подушно-оборочной подати, выплачиваемой крестьянами округа [1, л. 174об.]. Кроме того, казахи, проживавшие вне границ отведенной части степи, должны были перейти на оседлость и платить аренду в размере 40 коп. за десятину в год. На таких условиях было разрешено проживание казахам Кайсандар-Кипчаковской волости по правому берегу реки Бурла, около озера Топольного, уже имевшим признаки оседлости [1, л. 174об.]. Но эти и подобные факты свидетельствуют, что у Кабинета и алтайской администрации в 1870-е гг. еще не было понимания хозяйственного развития степных земель округа. Приведенные примеры указывают не столько на желание упорядочить землепользование в степи, сколько на принудительные попытки реализации арендного курса, принятого в округе в 1855 г. и не имевшего обеспеченного спроса. В целом под кочевья пришлое населения в пределах Алтайского округа во временное пользование было передано около 1 млн дес. [10, с. 166].

Поворотный момент в истории хозяйственного освоения степей в западной части Алтайского округа обозначился в последней трети XIX в. Освобождение от заводской зависимости приписных крестьян и мастеровых в 1861 г. и связанное с ним землеустройство на фоне упадка горнозаводской отрасли в конечном итоге способствовали выделению и становлению отдельной земельно-арендной отрасли кабинетского хозяйства. Представление о необходимости обложения денежным оброком в пользу короны всего землепользования округа, отразившееся еще в указах 1855 г., неминуемо привело к изменению вектора внимания окружной администрации и ее обращения к значительным лежащим втуне степным пространствам. В частности, первые оборочные статьи Кабинета возникли именно в Бельгагачской степи, превратившейся в передовой и основной арендный район округа [11, с. 179–181].

Еще одним ключевым событием данного периода явилось разрешение с 1865 г. переселений крестьян в Алтайский округ, которые, несмотря на временные ограничения и запреты, не прекращались, а администрация округа характеризовала переселение как «самовольное, стихийное народное движение, которое не могли остановить никакие препятствия и запрещения» [12, с. 10]. Постоянный рост численности населения актуализировал для регио-

на проблему поиска колонизационных лагун и оценки их сельскохозяйственного потенциала. Это объясняет появление научного интереса к алтайским степям, рельефно проявившегося к началу 1890-х гг. В степной район был направлен целый ряд экспедиций (С.И. Залесского в 1893 г., Г.О. Оссовского в 1894 г., И.П. Выдрина и З.И. Ростовского в 1899 г., И. Биля в 1900 г., Г.И. Танфильева в 1899 г. и 1901 г.), призванных собрать полевые сведения о водном потенциале степей, производительных свойствах почв и прочие данные. Отметим, что до этого времени получило распространение суждение о непригодности для заселения южной части Барабинской и всей Кулундинской степей в силу засоленности почв первой и безводности второй [13, л. 1]. Среди населения даже бытовала казахская легенда, объяснявшая происхождение бессточных озер Кулунды действиями изгнанного из рая Шайтана. Его плевками объяснялось происхождение соленых озер, а редкими слезами раскаяния — появление малочисленных пресных водоемов [14, с. 29].

Прежде всего ученые установили «преемственность» Барабинской и Кулундинской степей, при этом последнюю нередко называли отделением и продолжением первой [15, с. 1; 16, с. 29; 17, с. 39; 18, с. 1; 19, с. 101]. «Путеводитель по Алтаю» Н.В. Яблонского определял разделительную линию степей от деревни Ключи Лянинской волости Барнаульского уезда в юго-восточном направлении до верховьев реки Касмалы, а затем по этой реке до Оби [18, с. 1]. Относительно других степей были высказаны различные суждения. Так, согласно проектируемому Кабинетом Положению о поземельном устройстве населения Алтайского горного округа «степной полосой» Алтайского округа признавалась местность «между р.р. Алеем и Бурлой на восток до реки Оби», включавшая Бельгагачскую, Ремовскую, Коростелевскую, Узкую, Барнаульскую, Касмалинскую и Кулундинскую степи, где предполагалось установить единый размер душевого наделения землей [20, л. 18]. Изучавший соляной промысел в Алтайском округе кандидат естественных наук К.Н. Миротворцев оценил Карасукскую, Соляную, Коростылевскую и Вшивочную степи как «подразделения» Кулунды [21, с. 1]. В.В. Никольский квалифицировал Коростелевскую и Узкую степи как однотипные с Кулундой, упомянув в качестве «самостоятельных» Бельгагачскую и Ремовскую степи [22, с. 3].

Некоторая путаница, выражавшаяся в разнообразии топонимов и определении степени «уникальности» той или иной степи, не стала препятствием для научных изысканий: исследователи рубежа XIX–XX вв. выявили базовые естественные параметры большей части поверхности алтайских степей. В самом общем виде они состояли в материковом

характере происхождения рек, преобладании разной степени засоленности озер, незначительности древесной растительности и сенокосных угодий, бедности осадков и быстрой утраты почвой производительных свойств и др. В частности, подобные суждения содержали работы С.И. Залесского, Г.Е. Катанаева, Г.О. Оссовского, М.И. Струкова, И.П. Выдрина, З.И. Ростовского, И.И. Биля и др. [9; 22–29].

Несмотря на то, что перечисленные работы отличались степенью эвристического потенциала, способом знакомства с территорией, объектом изучения и разностью исследовательских методик, они содержали в себе научные основания для эксплуатации региона и были призваны ответить на вопрос о специфике хозяйствования в степном районе и вариативности его профилизации. Вердикт экспертов состоял в оценке степной зоны (прежде всего Кулундинской, за исключением ее юго-восточных районов, и Бельгагачской степи) как рискованной для развития широкомасштабного зернового хозяйства в из-за «сложности» ее природно-климатических детерминант. В основе такого прогноза лежала констатация факта, что «плотное» заселение степи приведет к изменению привычного ареала расселения русских крестьян (речные долины) и потребует освоения ранее незнакомой естественной среды плакорных (межречных) пространств. При общей критической оценке специалисты подчеркнули, что при соответствующем развитии агротехники и агрокультуры, а также широкомасштабном развертывании финансируемых государством мероприятий по подготовке территории, природно-климатические и хозяйственные «недостатки» степи могут быть несколько нивелированы.

Тем не менее, вопреки мнениям ученых, на рубеже веков возникала реальность «натиска» земледельцев на степь, особенно обострившаяся с передачей земель Алтайского округа в колонизационный фонд в 1906 г., и обусловленная целым рядом обстоятельств, в том числе стремлением переселенцев обосноваться в местах, схожих по природно-климатическим условиям с родиной [30, с. 32; 31, с. 130–136, 142]. Многократные предупреждения экспертов о том, что степи Западной Сибири и Европейской России имеют лишь поверхностное сходство, рознятся по своим гидрографическими, почвенными, термическим режимам, продолжительности вегетационного периода, требуемым приложения технологиям и методам хозяйствования и др. [8, с. 23; 9, с. 13; 19, с. 101–102; 23, с. 123–135; 25, с. 52–53; 26, с. 1], разбивались о потребность момента, состоявшего в необходимости поиска относительно целостных и свободных от населения площадей для разбивки их на переселенческие участки.

Одновременно успехи земледелия на дискретно разбросанных степных поселениях, или заимках лишь укрепляли административные структуры в мыс-

ли о положительных здесь перспективах крестьянско-го зернового производства вопреки предупреждениям ученых. Так, поездка чинов Переселенческого управления в 1907 г. в Кулунду, результат опросов местного населения, знакомство с казахским хозяйством, а также установление факта близости земледельческих поселений Барнаульского уезда, способствовали принятию решения о необходимости использования степи в колонизационных целях [7, с. 21]. В течение 1907–1909 гг. переселенческая организация получила для заселения крестьянами свободные земли Бельгагачской, Ремовской, Узкой, части Коростелевской и Кулундинской степей. При этом в Кулунде первые переселенческие участки начали образовывать в северо-восточной, свободной от кочевий, части еще летом 1907 г., до завершения статистико-хозяйственного обследования территории в связи с небывалым наплывом мигрантов [10, с. 167]. До 1910 г. переселенческая организация устроила всех казахов, кочующих в Бельгагачской, Ремовской и Узкой степях [1, л. 178], а в Кулундинской и Коростелевской степях ограничилась лишь выделением под кочевья земельных площадей [32, л. 103].

Итак, степная зона Алтайского округа как объект научного и хозяйственного освоения вплоть до последней трети XIX в. не привлекала широкого внимания. По-видимому, интуитивная рациональность, отразившаяся в интересе к степным пространствам лишь со стороны казахов-кочевников, наиболее отвечала условиям хозяйственного освоения Алтайского округа вплоть до 1860-х гг., даже не ставя в повестку дня вопрос о хозяйственном использовании степной части кабинетских владений. Ограничение в 1870-х гг. Кабинетом района казахских кочевий в Кулундинской степи стало не результатом осознанных целей в отношении этих территорий, а эфемерной защитой горнозаводского хозяйства, которая была универсальным оправданием для многих действий горнозаводской администрации. Поэтому вполне объяснимо, что Кабинет оказался в стороне от последующего хозяйственного и научного изучения своих степных районов. Рост научного интереса к степной части Алтайского округа в последнем десятилетии XIX в. давал возможность выработать наиболее эффективные способы хозяйственного использования степных территорий. Неутешительные выводы ученых о хозяйственном потенциале степных земель пришли в противоречие с набравшим силу переселенческим движением, требовавшим массивов свободных земель. Результатом стала быстрая и вынужденная земледельческая профилизация степной зоны Алтайского округа, произошедшая под воздействием переселенческого движения и нарушившая естественный ход постепенного хозяйственного освоения степных районов.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. 4. — Оп. 1. — Д. 3811.
2. Фальк И.П. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. — СПб., 1824.
3. В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. — СПб., 1872.
4. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам и джунгарской киргизской степи. — Новосибирск, 1993.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — СПб., 1830. — Т. 25. — № 18596.
6. ГААК. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 1987.
7. Шкунов М. Заселение Алтайского округа // Вопросы колонизации. — 1911. — № 9.
8. Миддендорф А.Ф. Бараба. — СПб., 1871.
9. Струков М.И. Краткий очерк Алтайского округа ведомства Кабинета Его императорского Величества. — СПб., 1896.
10. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии: Уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский: материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагнибеда. Вып. 1. — Томск, 1913.
11. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии / Т.Н. Соболева, П.А. Афанасьев, А.Е. Кухаренко, Д.С. Бобров. — Барнаул, 2012.
12. Переселение в Алтайский округ. — Барнаул, 1912.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 391. — Оп. 5. — Д. 37.
14. Вошинин В.П. На сибирском просторе. Картины переселения. — СПб., 1912.
15. Сельскохозяйственный обзор Алтайского округа за 1896 г. — Барнаул, 1897.
16. Сибирь. Общие замечания о Сибири и переселении. Сведения о земледельческой полосе Сибири. Указания и распоряжения Правительства. Пути следования в Сибирь и по Сибири. — СПб., 1897.
17. Сведения о земледельческой полосе Сибири. — СПб., 1901.
18. Яблонский Н.В. Путеводитель по Алтаю. — Томск, 1902.
19. Танфильев Г.И. Бараба и Кулундинская степь в пределах Алтайского округа. — СПб., 1902.
20. ГААК. — Ф. 163. — Оп. 1. — Д. 174.
21. Миротворцев К.Н. Соленые озера и соляной промысел в Алтайском округе. Отчет чиновника особых поручений кандидата естественных наук К.Н. Миротворцева о поездке летом 1911 г. для обследования соленых озер Алтайского округа. — Барнаул, 1911.
22. Никольский В.В. Материалы по экономическому исследованию внутренних водных путей. Отдел II: Сельское хозяйство в Алтайском округе. — Пг., 1916.
23. Залесский С.И. Исследование пригодности некоторых маловодных местностей Барнаульского и Каинского округа к заселению переселенцами из Европейской России. — Томск, 1893.
24. Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. — 1893. — Кн. XV. — Вып. II.
25. Оссовский Г.О. Гео-гидрологические исследования Барабы. Отчет командировке по исследованию водоснабжения переселенческих участков в Барабе, состоявшейся летом 1894 г., по поручению г. томского губернатора. — Томск, 1895.
26. Выдрин И.П., Ростовский З.И. Предварительный отчет по исследованию почв северной части Алтайского округа. — Барнаул, 1896.
27. Выдрин И.П., Ростовский З.И. Материалы по исследованию почв Алтайского округа. — Барнаул, 1899.
28. Биль И.И. Исследование водоносности Алейско-Кулундинской степи в 1897–1898 гг. — СПб., 1900.
29. Морозов И.М. Алтайский округ в сельскохозяйственном отношении и условия жизни переселенцев в нем. — Харьков, 1908.
30. Огановский Н. П. Народное хозяйство Сибири. — М., 1922.
31. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. — Барнаул, 2010.
32. РГИА. — Ф. 468. — Оп. 23. — Д. 2778.